

НАША СТРАНА

36-ой год издания, Буэнос Айрес, суббота 3-го марта 1984 г.

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sabado 3 de marzo de 1984 No. 1754

МЫСЛИ ВСЛУХ

Таким образом, можно сказать, что Римская империя до святого Константина Великого являлась электической и прагматической смесью двух типов государств: маленького полиса, в котором верховная власть всегда принадлежала народу, а управительная власть была сочетанной и смешанной (по разному, в разные времена), и большого бюрократического централизованного государства. В маленьком государстве, сохранить свободу и избежать бюрократизацию с социалистическими замашками было возможно и при верховной власти народа, и даже без идеи служения высшим трансцендентным идеалам и без участия народа во власти исполнительной. В больших же государствах верховная власть народа становится фикцией и ширмой для деспотической или олигархической узурпации, тем более если народ не принимает прямого участия в управлении.

Итак, политическое представительство было придумано в Риме, как импровизация, в тот момент когда уже было невозможно дальнейшее сосуществование политических начал маленького полиса с большим мировым государством. При этом не было преодолено принципиальное верховенство народа, а лишь — ввиду невозможности существования такого верховенства — оно было практически делегировано в руки того же самого лица, которому была передана также и вся власть управительная. Соединение обеих властей в одних руках и породило новую политическую форму: абсолютизм. (Одно из значений этого слова связано с понятием "избавляться", "отрешаться", "разрешаться от бремени", "отделяться". Политически при абсолютизме происходит обоюдное "отделяние": народ отделяется от приписываемой ему "верховной власти", а сама власть отделяется от всякого контроля со стороны народа в области управительной). Для такого "отделяния" и нужна идея "представительства". На этой идее западная политическая мысль и зачала, вот уже две тысячи лет. Было придумано несколько вариаций, но до сих пор не осознано, что представительство не может быть верховной властью.

Новые политические идеи появились на христианском востоке. Одна — в Византии, у самых ее истоков. "Это была идея божественной делегации, идея служения верховной власти Богу" (Л. Тихомиров). Другая — в России, в середине 16-го века, когда идея прежнего городского вече была расширена до идеи "Совета вся земли", то есть "Земского собора", как народного представительства для участия в управительной (но не в верховной) власти, с одновременным "всесословным самоуправлением" (И. Солоневич) на местах.

И. А.

Штрихи к портрету

Напрасные слезы из глаз не текли
Тоска наши души сжимала,
И горсть роковая прощальной земли
Упавши на гроб застучала.

М. Ю. Лермонтов

Выдающийся монархический деятель Сергей Львович Войцеховский родился в Варшаве 4/17 марта 1900 года. Его отец, Лев Петрович, был перешедшим на гражданскую службу в канцелярии варшавского генерал-губернатора офицером Лейб-Гвардии Уланского Его Величества полка.

Мать, Елена Андреевна, была дочерью редактора и издателя официальной русской газеты "Варшавский Дневник" Андрея Тихоновича Тимановского и его жены Софии Сергеевны, рожденной княжны Гагариной.

Близкими друзьями семьи были до 1917 года бывшие однополчане отца и бывшие однокашники А. Т. Тимановского по Императорскому Училищу Правоведения.

Служба отца и семейные обстоятельства расширили кругозор. В детстве, с 1907 до 1912 года, С. Л. Войцеховский побывал в Москве, в Ташкенте, в Германии, Швейцарии, Франции и Монако и нескольких польских городах. С 1913 до 1915 года он увидел Петербург, Царское Село, Киев, Одессу и Крым.

Его родители заботились об его образовании. Французский язык он знал, наравне с русским, с раннего детства. Позже приобрел такое же знание немецкого языка. Благодаря родителям, создавшим для него особую библиотечку и постоянно ее пополнявшим, его познания в области русской литературы и истории России превышали школьный уровень.

В 1912 году отец, состоявший на гражданской службе в чине статского советника, получил назначение в Могилев-на-Днепре, где С. Л. Войцеховский стал в 1915 году свидетелем превращения этого города в Ставку верховного главнокомандующего и замены на этом посту великого князя Николая Николаевича императором Николаем Александровичем, которого он видел часто благодаря полученному праву посещения богослужений в храме Ставки.

К революции он отнесся отрицательно и неримиримо и не изменил этому мнению в последствии. Сдав весной 1918 года необходимые экзамены и получив аттестат зрелости от Могилевской гимназии, он переехал с родителями и младшим братом Юрием в Киев, где установил связь с возглавляемым генералом Ломновским тайным центром Добровольческой Армии и поступил, с его ведома, на службу гетманского министерства иностранных дел. В ноябре того же года, после про-

возглашения гетманом П. П. Скоропадским федерации Россией, был назначен чиновником для особых поручений при министре, а после крушения гетманской власти в декабре совершил с отцом и некоторыми друзьями семьи трудный и опасный переезд из Киева в Одессу, где поступил на службу переводчиком во французское консульство, возглавленное сторонником восстановления исторической России, консулом Энно. Служба эта была признана "полезной для дела Добровольческой Армии".

В марте 1919 года сопровождал отца в его решении пробраться кружным путем из Одессы в Киев к оставшейся там матери и брату. Одновременно принял от штаба Добровольческой Армии в Одессе поручение о восстановлении связи с тайным центром этой Армии в Киеве.

Через Румынию, Венгрию, Австрию, Чехословакию прибыл в

С. Л. Войцеховский
1900 — 1984

Польшу, откуда, с отцом, перешел в районе Пинска на занятую красной армией территорию и добрался в Киев, где скрывался, под видом рабочего национализированного садоводства в предместье Демиевка. Там установил связь с бездействовавшими в обстановке советского террора остатками тайного Центра Добровольческой Армии. Отец, вернувшийся на прежнюю киевскую квартиру, был опознан, арестован и расстрелян большевиками.

После вступления Добровольческой Армии в Киев был назначен чиновником для особых поручений при управлении Главного начальствующего Киевской области, генерала А. М. Драгомирова. Тогда же стал в Киеве сотрудником основанной И. М. Каллиниковым газеты "Вечерние Огни" и познакомился с секретарем редакции этой газеты И. Л. Солоневичем.

При отступлении Добровольческой Армии из Киева в южном направлении попал с одним из отделов упомянутого управления в Одессу. 24-го января 1920 года, в день оставления Киева Добровольческой Армией, сделал неудач-

ную попытку помочь эвакуации одного из своих начальников по управлению, а затем, с сослуживцем, прапорщиком Кравченко, столь же неудачную попытку догнать покинувший ночью сухопутным путем отряд генерала Н. Э. Бредова. В уже занятом красными городе, под обстрелом местных коммунистов, вошел в городе в дом, ворота которого не были на запоре, и обратился к открывшей в ответ на звонок двери одной из квартир женщине с просьбой впустить его и Кравченко в квартиру. Пробыл в этой квартире недели две, не зная, кому обязан спасением. Узнал это, когда решил квартиру покинуть и выйти в город. Спасителями его и прапорщика Кравченко оказались мать и двоюродный брат Богрова, убитый П. А. Столыпина.

Случайная встреча с сослуживцем по киевскому управлению помогла получению угла в брошенной владельцами квартиры. Некоторые из этих беженцев оказались бывшими сотрудниками петербургской газеты "Новое Время". Через них удалось установить связь с И. Л. Солоневичем и его семьей, которым также не удалось эвакуироваться.

С ним и с другим бывшим петербургским журналистом участвовал в создании нелегального Союза Освобождения России, который в 1920 году установил связь с Крымом, получил оттуда газеты и распространил основанный на их содержании подпольный бюллетень, напечатанный С. Л. Войцеховским на пишущей машине в квартире ученого, впоследствии снискавшего всероссийскую известность. Окна этой квартиры выходили на крыши зданий на Марзалиевской улице, где разместились Губчека, ежедневно расстреливавшая десятки людей.

В январе 1921 года переехал с И. Л. Солоневичем и его семьей в город Ананьев. Во время одной из поездок оттуда в Одессу, где Союзом Освобождения России была установлена связь с тайной украинской и такой же польской организацией, заболел сыпным тифом и умер бы от голода в больнице, если бы не помощь людей, знавших его по Могилеву и по газете "Вечерние Огни".

Осенью 1921 мать С. Л. Войцеховского, оставшаяся в Киеве и добившаяся там освобождения ее сына Юрия из тюрьмы за крупную взятку драгоценными камнями, приняту чекистом-следователем, отыскала С. Л. в Одессе и прслала ему записку, состоявшую из киевского адреса женщины, бывшей, до 1917 года, горничной в семье А. Т. Тимановского и, затем, в семье родителей С. Л. На словах, было передано

указание приехать в Киев и повидать упомянутую женщину.

В Киеве С. Л. узнал, что сын этой женщины дважды, рискуя жизнью, перешел на Еольни в обе стороны: польско-советскую границу и переезд в Польшу Юриг, брата С. Л., а затем и их мать. Тот же молодой человек выразил готовность сделать это в третий раз и в конце сентября 1921 г. перевел С. Л. через границу, а затем вернулся в Киев.

Польша тогда предоставляла убежище эмигрантам. Это дало С. Л. возможность приехать в Варшаву, где уже были его мать и брат. В этом городе С. Л. прожил до конца июля 1944 года.

Прочитанные им перед русской аудиторией доклад о положении в России обратили на него внимание владельца и директора существовавшего в Варшаве телеграфного агентства Русспресс. Он предложил С. Л. службу в этом агентстве. В 1923 г. С. Л. стал редактором бюллетеней этого агентства и был им до 1930 года. Кроме того, он с конца 1921 до весны 1930 года был сотрудником русских зарубежных газет и журналов — "Зарниц", редактировавшихся И. М. Калининским в Константинополе; "Общего Дела" в Париже; "Руси" в Софии; "Нового Времени" в Белграде — и корреспондентом парижского "Возрождения" и брюссельского "Часового". Как корреспондент "Возрождения", С. Л. был до вторжения германских войск в Польшу в сентябре 1939 года членом Клуба иностранной прессы.

Изучив польский язык, С. Л. стал во второй половине двадцатых годов сотрудником влиятельной консервативной польской газеты "Курьер Варшавский", в которой освещал положение в России в статьях, подписанных псевдонимом Эрго. Он прервал это сотрудничество в 1938 году, когда, под влиянием возникшей для Польши германской опасности, польская печать перестала объективно освещать политику захвативших власть в России коммунистов.

В 1923 году С. Л. познакомился в Варшаве с Ю. А. Артамоновым, бывшим там одновременно резидентом оказавшейся впоследствии чекистской "легендой" тайной организации Монархическое Объединение России и созданной генералом А. П. Кутеповым анти-советской боевой организации. Эта сторона биографии С. Л. описана им в книге "Трест", изданной в 1974 году канадским издательством "Заря". С 1928 года до 1930 года С. Л. был варшавским резидентом Кутеповской боевой организации. После похищения генерала Кутепова чекистами С. Л. от конспиративной деятельности отошел.

В 1931 году он стал одним из учредителей, членом правления и управляющим делами основанного в Варшаве эмигрантского Российского Общественного Комитета в Польше и остался им до возникшей в 1939 году войны Германии с Польшей. Кроме того — с 1932 до 1935 года — он был одним из членов редакционной коллегии русской эмигрантской газеты "Молва".

В сентябре 1939 года С. Л. и его семья испытали осаду и бомбардировку Варшавы германскими войсками и авиацией. После капитуляции города, Российский Общественный Комитет организовал материальную и правовую по-

мощь русским эмигрантам и польским гражданам русской национальности. В 1940 году был учрежден в Варшаве признанный германской оккупационной властью Русский Комитет и С. Л. был избран его председателем. Эта часть его биографии описана в воспоминаниях, озаглавленных "Варшава" и напечатанных парижским журналом "Возрождение".

В июле 1944 года С. Л., в качестве председателя Русского Комитета, организовал эвакуацию из Варшавы в Словакию русских эмигрантов, русских граждан Польши и новых беженцев из советской России и выехал из Варшавы со своими ближайшими сотрудниками по Комитету за три дня до вспыхнувшего в городе польского восстания.

Значительное число русских варшавян и, в их числе, семья С. Л. находились в конце 1944 года в немецком городе Равенсбурге, вблизи Боденского озера. Оттуда С. Л., с большим трудом, добрался в январе 1945 года в Краков, чтобы эвакуировать русских эмигрантов оттуда.

В марте 1945 года в Равенсбург неожиданно приехал Великий Князь Владимир Кириллович в сопровождении своего секретаря Д. Л. Сенявина и нескольких других лиц. Он обратился к С. Л. с просьбой помочь ему в переезде из Германии в Швейцарию, причем С. Л. не было сказано, что Швейцария уже отклонила просьбу Великого Князя о въездной визе.

С. Л. удалось устроить переезд Великого Князя и сопровождавших его лиц из Равенсбурга в Фельдкирх, на границе входившей тогда в состав Германии австрийской провинции Форарльберг и княжества Лихтенштейн. После их отъезда из Равенсбурга, туда к С. Л. приехал генерал А. Хольмстон (Б. А. Смысловский), который, по совету С. Л., решил сделать попытку перехода возглавляемого им кадра 1-ой Русской Национальной Армии в Лихтенштейн.

Переход этот состоялся в ночь с 2-го на 3-ее мая 1945 года, причем в нем участвовали: Великий Князь Владимир Кириллович, австро-венгерский эрцгерцог Альбрехт, сопровождавшие их лица, С. Л. со своей семьей и некоторые его сотрудники по варшавскому Русскому Комитету. Швейцарское правительство, ведающее внешней политикой Лихтенштейна, не возразило против интернирования возглавленных ген. Хольмстоном военнослужащих, но отказало в убежище не входившим в состав кадра 1-ой Русской Национальной Армии лицам, которые были принудительно переброшены через границу обратно в Австрию. В тот же день, 3-го мая 1945 года, эта часть австрийской территории была оккупирована французскими войсками. Три дня спустя французская военная власть назначила С. Л. одним из двух директоров возникшего на границе Австрии и Лихтенштейна самостеком беженского лагеря.

С. Л. остался им до начала 1946 года, когда французской военной властью в австрийской провинции Форарльберг был одобрен представленный им проект упразднения беженских комитетов различных национальностей и их замены состоящей из национальных делегаций Социальной Службой Перемещенных Лиц. Этим было достигнуто сознание русского эми-

грантского представительства, так как до этого русские эмигранты были единственной национальной группой беженцев, лишенных собственного комитета. Русскую делегацию упомянутой Социальной Службы Перемещенных Лиц в Форарльберге С. Л. возглавлял до второй половины 1947 года, когда он вернулся со своей семьей в Равенсбург.

В 1945-1946 гг. французскими коммунистами и связанной с ними французской военной полицией в Германии были сделаны попытки захватить С. Л. и увести его из Австрии в Германию. Первая попытка — в сентябре 1945 года — частично удалась. Французские офицеры, прибывшие из Германии, "арестовали" С. Л. в беженском лагере и увезли его "для допроса" в расположенную вблизи лагеря виллу. Из допроса выяснилось, что ими был получен донос о том, что С. Л. вывез из Варшавы чемодан, неполненный золотом. Их разочаровало признание С. Л. в том, что чемодан был действительно вывезен, но наполнен не золотом, а принадлежавшей ему коллекцией открыток, которую они могут увидеть в лагере. Пригрозив С. Л. суровой карой в случае дачи им ложного показания, эти офицеры решили допросить в Германии автора доноса. Между тем, семья С. Л. подняла тревогу и он был освобожден из заключения местной французской военной властью.

В 1946 году другие французские офицеры приехали из Германии на квартиру С. Л. в городе Фельдкирхе, но не застали его дома. Один из них остался в квартире в ожидании возвращения С. Л., но его семье удалось предупредить его об опасности. Французская военная власть в Фельдкирхе, к которой С. Л. обратился, арестовала на его квартире оставшегося там француза, а затем и других участников этой попытки похищения С. Л.

Последствием этого случая стала чистка французской военной полиции в Германии от коммунистов и связанных с ними элементов. Эта чистка дала С. Л. и его семье возможность безопасно вернуться летом 1947 года в Равенсбург, где они прожили до мая 1950 года, когда, при содействии Толстовского Фонда, выехали из Германии в Соединенные Штаты.

С июня 1950 до мая 1953 года С. Л. был сотрудником упомянутого Фонда, а с мая 1953 до марта 1965 года — служащим английской страховой компании в Нью Йорке.

В 1953 г. С. Л. был одним из учредителей Российского Политического Комитета в Нью Йорке. Со дня основания И. Л. Солоневичем газеты "Наша Страна" в Буэнос Айресе он стал ее постоянным сотрудником. С 1962 до конца 1975 года он был корреспондентом западно-германского Бюро иностранной прессы, для которого писал сводки статей и сообщений русской зарубежной печати. Кроме того, его статьи появлялись в следующих газетах и журналах: "Возрождение" (Париж), "Часовой" (Брюссель), "Россия" (Нью Йорк), "Наши Вести" (Нью Йорк), "Новое Русское Слово" (Нью Йорк), "Записки Русской Академической Группы в США" (Нью Йорк), "Современник" (Торонто), "Новый Журнал" (Нью Йорк).

С основания "Нашей Страны" и вплоть до 1980 года С. Л. Вой-

цеховский вел в ней отдел "Политическая хроника", снабжал газету своими "Записными книжками" и статьями подписанными псевдонимами Обозреватель и В. Ф. Вальдемарс.

В 1978 году канадское издательство "Заря" выпустило сборник его воспоминаний — "Эпизоды". Прекрасные отзывы об этой книге появились в "Новом Журнале", в "Наших Вестях" и даже в "Новом Русском Слове", несмотря на отрицательное отношение С. Л. Войцеховского к этой газете, вызванное появившимися в ней в 70-х годах кощунствами ее еврейских сотрудников. Хвалебный отзыв прислал, в частности, бывший премьер-министр Лихтенштейна Д-р Фрик, которому перевели на немецкий язык воспоминания С. Л. о встрече с ним. Это была его третья книга. В 1927 году "Возрождением" был издан его труд "Дело Б. С. Коверды", который, однако, по обстановке того времени, был подписан не именем Сергея Львовича, а первой буквой его фамилии в ее латинской транскрипции, которой он тогда подписывал свои статьи в этой парижской газете.

"Несмотря на возраст и недомогание, — писал Сергей Львович 3 апреля 1979 года, — я все еще не сдаюсь и стараюсь хоть "Политической хроникой" помочь "Н. С.", не обижаясь на некоторые мнения газеты, которые я не разделяю. "Хронике" и "Записным книжкам" мешает не мой возраст и не мое недомогание, а то, что теперь все труднее находить темы и сведения, способные привлечь внимание русского читателя. В Нью Йорке и Париже прежних эмигрантов вытеснили "новейшие", преимущественно евреи или вчерашние коммунисты, с которыми у меня общего языка нет".

Убежденнейший монархист, он признавал, что ответить на доводы противников монархии порою не легко, так как их возражения исходят из того, что — естественно — может случиться: например неполноценный наследник. Но зато "ни одна монархия не связана по рукам и по ногам тем, на что ее противники ссылаются. Ценность монархии — даже такой монархии, как британская или шведская — состоит в том, что власть или, в худшем случае, символ власти независим и не связан какой-либо политической демагогией".

Новую же Россию Войцеховский мыслил как страну, "освобожденную не только от ленинизма и марксизма, во всех их оттенках, но и как страну обновляющуюся, отказавшуюся не только от революционных, но и от дореволюционных преступлений и ошибок и, следовательно, возвратившуюся к той нашей основе, которую выражали слова — Вера, Царь, Отечество".

Пространный этот некролог — лишь штрихи к портрету человека, заслужившего — без всякого сомнения — особо биографическое исследование.

Сергей Львович Войцеховский физически умер 21 января 1984 года. Но он жив в душе каждого русского патриота, каждого русского человека, способного кровью сердца прочувствовать его стихи, собранные в 1981 году издательством "Заря":

Вы были правы и донны
У непокорных крымских вод
Как факел, поднятый в пустыне,
Не гаснет наш двадцатый год.

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

ЦЕЛЯТСЯ В НАС

От моего дома два шага до длинной всегда людной улицы Пасси, которая тянется от метро того же имени на берегу Сены до небольшой площади Ла Мюэт в преддверьи Булонского Леса. Она чуть не сплошь занята, по обе стороны, магазинами, — продуктовыми, универмагами, кондитерскими, торговыми платьем и обувью, и всем, что вам угодно. На ней, в том месте, где она слегка расширяется, около дома № 33, убили 7 февраля, среди бела дня, в 2 часа пополудни, персидского генерала Али Гуляма Овейси и его брата, Гулям Гуссейна. На этой улице генерал и жил. Самым наглым образом, убийцы, для такого случая прилично и даже элегантно приодевшиеся, вылезли из автомобиля и застрелили обоих братьев сзади и почти в упор. Былший с пострадавшими их друг, Рахмат Маджеси, отделался удачно: револьверная пуля продырявила только рукав его пальто.

Двое из преступников, не волнуясь и не торопясь, взобрались обратно в машину и уехали. Третий замешался в толпу. Нашелся среди присутствовавших смельчак, студент, который за ним погнался; но тот вскочил на проходящий автобус, и с ним исчез из виду.

Согласно мнению некоего специалиста, приводимому в газете "Франс-Суар", похоже, что хомейнисты приступают к широко задуманной операции по планомерному уничтожению своих противников за рубежом: Молодой шах Риза, находящийся сейчас во Франции, вполне дельно сказал по этому поводу: "Нам всем равно грозит опасность".

Та же "Франс-Суар" дает, за подписью своего постоянного сотрудника Франсуа Люизе, довольно недостойную статью о жертве покушения, с упреками (!) за то, что он, в 1963 г. твердой рукою подавил восстание в Тегеране; подавил бы и таковое в 1978 г., если бы американцы не потребовали его отставки. Овейси и в эмиграции остался правой рукою шаха, а затем его сына, и активно работал на восстановление у себя на родине законной монархии. За это его и убили.

В том же номере опубликовано не без цинизма составленное заявление президента Миттеррана: "Все иранские эмигранты едут, хотят приехать, или уже приехали во Францию. Сушая беда, что у нас скопились образцы всех геологических пластов персидских беженцев разной политической окраски... Французский народ сумеет понять и оценить позицию своего правительства".

Понять-то нетрудно. Здешние власти предупреждают политических эмигрантов, из Ирана и прочих, что терпят их присутствие на своей территории, но отнюдь не намерены их всерьез защищать, а уж тем паче, — ловить и наказывать расправляющихся с ними иностранных агентов. И в самом деле: к чему Франции нужны дипломатические осложнения?

Соответственно, и французская полиция, — всегда считавшаяся одной из лучших в мире, и особенно, в

области политического сыска! — во всех подобных делах проявляет себя в наши дни до крайности не эффективной...

Интересно другое. Интересно: кого убивают? Моего друга Пеева убили недавно за верность царю Симеону; генерала Овейси, только что, — за верность его шаху. А ведь нам все время твердят, что монархия сдана де в архив, никому не нужна и *никого не пугает!* Сдается, болгарские чекисты и чиновники тайной полиции кровавого имама лучше разбираются, кто им страшен... Хотя, несомненно: почитать прогрессистские газеты, что французские, что "Русскую Мысль" и ко., — выйдет, что во всех эмиграциях ведущую роль играют социалисты. Однако, за теми отчего-то истребительных команд не посылают. А вот на нашего брата, монархистов, охотятся всерьез.

Палачи и тираны, большевицкие и оголтело-тоталитарные в стиле Хомейни, и их исполнительный аппарат по мокрым делам, те-то отлично понимают, что сплотить против них народ, не забывший не столь давнего более светлого прошлого, только и можно под монархическим знаменем.

Отсюда и происходящее: где только, в той или иной национальной эмиграции, выделяются честные и храбрые монархисты, кого ни подкупить ни запугать нельзя, — их ликвидируют силой оружия.

А мы вот, на беду, монархические эмигранты из разных стран, даже и объединиться между собой не умеем; и не то уж, что друг друга не поддерживаем; даже и сочувствия друг другу в подобных случаях не выражаем! Когда же делаются попытки что-то наладить в порядке общего фронта, — иные еще и ворчат, что оно мол ни к чему не нужно и вовсе лишнее...

Тут мне еще скажут, пожалуй, что ведь русских-то за границей давно и не убивают. Подождем, увидим. Может, и ждять-то долго не придется... Разумные же люди уже вполне осознают: гроза нависла над нами вплотную, на каждом шагу. Над нами, и надо всеми беглецами из стран за железным занавесом. А Иран — он особый случай; там еще коммунизма нет, но, можно не сомневаться, скоро будет. Пока же, — такой режим, который ничем не лучше (хуже-то ведь трудно быть!).

В заключение, — прелюбопытный, хотя и мелкий факт. Мне года два высылали (с персидскими марками и штемпелем Тегерана) хомейнистскую литературу на английском языке: газету "Джихад" и разные брошюры. Кому я обязан удовольствием, — не знаю. Следовало ли это расценивать как внимание к иностранному журналисту? Так не много ли для меня чести... Последнее время, перестали (о чем я не плачу). Правильно, в общем, сделали: в персидском вопросе мое сочувствие целиком принадлежит монархистам, сторонникам юного шаха, которому я от души желаю взойти со временем на трон отцов!

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

Редакция "Нашей Страны" с прискорбием сообщает о кончине волею Божией 21 января с. г. в штате Нью Йорк после продолжительной, тяжелой болезни на 84 году жизни, члена Кутеповской Боевой Организации, старейшего сотрудника изданий И. Л. Солоневича, выдающегося общественно-политического деятеля российского Зарубежья

✙ СЕРГЕЯ ЛЬВОВИЧА ВОЙЦЕХОВСКОГО

и выражает свое неподдельное соболезнование
жене покойного Зое Васильевне.
Вечная память рыцарю России,
стойкому борцу за Веру, Царя и Отечество!

Н. Л. Казанцев с глубокой скорбью сообщает
о кончине 21 января с. г.

✙ СЕРГЕЯ ЛЬВОВИЧА ВОЙЦЕХОВСКОГО

и выражает искреннее соболезнование семье покойного.

Волею Божией 11 февраля в 14.30 часов
в аргентинском городе Формоса
после тяжелой болезни скончалась

КИРА ВЛАДИМИРОВНА ПОПОВИЧ
урожд. АГАПЕЕВА

о чем с прискорбием сообщает семья.

Староста и прихожане Св.-Покровского храма в Темперлее,
по поводу кончины

Д-РА КИРЫ ВЛАДИМИРОВНЫ ПОПОВИЧ
урожд. АГАПЕЕВОЙ

выражают свое глубокое соболезнование
протоиерею о. Сергию и матушке Наталье Владимировне Ивановым.

Валентин Зарубин

Мир забывает

Недавно в некоторых русских и русскоязычных органах печати промелькнула весть, что в Советском Союзе приговорен к расстрелу Ермак Лукьянов, по национальности калмык, бельгийский гражданин. Лукьянов, вероятно не имея за собой никакой вины, поверил, что СССР "уже не тот", не сталинский, сейчас там свобода, диссиденты выступают и горланят во всю и ни с кем, кто не лезет на рожон, ничего, в общем, не случается. Защищенный всеми международными договорами, наш Ермак с бельгийским паспортом пожелал повидать свою родину и себя показать; а потом вернуться в Бельгию, снова взяться за работу, ведь не даром у него дома супруга и 9 детей.

Но не тут-то было! Шел 1968 год. Его арестовали, без приговора всучили в самую злостную казанскую спецпсихбольницу — "только" на 15 лет. Однако, очевидно чекисты не сломали сына степей, сына того гордого и свободного племени, который веками был на стороне русского народа. Пришлось чекистам осудить его на смерть.

1968 год. Я бросился к книгам, к самиздатским хроникам, к известиям о правах человека. Нигде ничего о Лукьянове!

Ищу дальше. Мелькают имена: Плющ, Григоренко, Мороз, Орлов, Щаранский. Лукьянова нет нигде! Как будто бы человек и не выезжал из Бельгии. Раскрываю пожелтевшие страницы многотиражных и богатых газет. Фотографии семей, ожидающих возвращения из заключения отцов. Везде протесты. А о Лукьянове ничего: правозащитная пресса его "забыла".

Может быть "забыли" намеренно? Не считали нужным о нем писать? Мол, так ему и надо: не нужно было во время войны бежать из Советского Союза?

Валентин Зарубин

ПИСЬМА МОЛОДОМУ МОНАРХИСТУ

КАК СТАТЬ ЖУРНАЛИСТОМ

Я думаю о Вас как о молодом и талантливом публицисте. "Термоядерный погреб" — выдающаяся статья, по сравнению с, увы, невысоким уровнем русской зарубежной печати. В этой статье — несколько качеств: осведомленность, широкий кругозор, ясно и точно выраженная мысль. В ней отсутствуют столь часто преподносимые русским читателям небылицы и эмоциональные штампы, прикрывающие неосведомленность и необразованность авторов.

Если Вы хотите стать профессиональным журналистом, попробуйте перешагнуть узкий круг эмигрантской прессы. Не поймите этот совет превратно — я не призываю Вас к прекращению Вашего русского публицистического пути, но изучить газетную профессию в русской заграничной печати, при ее ограниченных технических возможностях, нельзя. Попробуйте стать на путь профессионального газетчика в местной прессе. Начните — как когда-то это сделал я в печати польской — с самой низкой ступени, с репортажа и небольших заметок. Не пытайтесь состязаться с местными репортерами на общие темы. Пишите о русских эмигрантах, о русской литературе, о большевиках и о борьбе с ними.

Когда почувствуете себя на этой первой ступени крепко, поднимитесь на вторую — перейдите к небольшим статьям на те же темы, постепенно увеличивая их объем и расширяя их значение. Очень полезно, на этой второй ступени, научиться об-

щению с людьми, принадлежащими не к эмиграции, а к самым разнообразным кругам, и изложению их слов в беседах с ними, в так называемых интервью. В мои молодые годы, в Варшаве, я написал множество отчетов о таких беседах с дипломатами и заезжими знаменитостями. Первой был Хансен, последней — Шалапин. После него, я перешагнул на третью ступень, перестал быть репортером, стал настоящим публицистом, увидел мою подпись в известных журналах и "удостоился" полемической реплики одного из первых лиц в стране — генерала Сикорского, будущего главы польского зарубежного правительства в Лондоне.

Одновременно, развивайте Богом данный Вам публицистический талант в "Нашей Стране". Не стремитесь писать часто, работайте без спешки над каждой статьей, собирая нужные сведения и отделивая слог. Если я снабжаю "Нашу Страну" политической хроникой, то только потому, что мне пришлось в Америке вернуться на вторую ступень журналистической профессии, превратиться из публициста в обозревателя, автора обзоров, которые я — заработка ради — еженедельно писал для западно-германского бюро иностранной прессы. Но Вам открыта широкая дорога, на которой желаю Вам удачи.

Постарайтесь, вступая на этот путь, приобщиться к газете или журналу на максимально высоком — в местном масштабе — уровне. Посмотрите на это, как на школу,

и не требуйте от этой школы сто-процентного совпадения с Вашими мнениями. Конечно, мы не можем участвовать в изданиях коммунистических, революционных или русофобских, но католический косерватизм или местный национализм, если в них нет русофобии, не должны быть в наших глазах непроходимым порогом.

Ваше поколение — в отличие от моего — должно, в журналистической профессии, освоиться не только с газетной техникой, но и телевидением и радио. Тут я помочь Вам советами не могу потому, что — в мое время — связи между газетами и этими источниками информации не было.

Человек никогда не будет профессиональным журналистом, в полном смысле слова, если его познания будут ограничены редакцией. Необходимо знать типографию, то есть, по крайней мере, понимать труд линотиписта и, особенно, метр-анпажа, то есть, верстку, составление газетного листа. Не только внешний облик газеты, но и ее воздействие на читателя зависят, в большой степени, от удачного распределения материала. Когда это удачное распределение достигнуто, нужно его придерживаться и — в случае необходимости — изменять осторожно и медленно. Читатель привыкает к облику своей газеты. Изменение этого облика его, иногда, раздражает и отталкивает. Из русских зарубежных газет, "Наша Страна" может похвалиться умелым распределением своего

ЗАВЕТЫ ПРЯДКОВ

Но есть еще один привет

державный,

Для правды ест-один святой

алтарь:

В твоей душе он, Царь наш

православный,

Наш благодушный, честный, Русский

Царь!

ТЮТЧЕВ

содержания и грамотными заголовками, чего нельзя сказать о таких, более распространенных газетах, как "Новое Русское Слово" в Нью Йорке или "Русская Жизнь" в Сан Франциско.

Живи Вы в Нью Йорке, я посоветывал бы Вам читать "Нью Йорк Таймс". На сколько его направление, во многих случаях, неприятно, настолько же он может служить образцом высокого профессионального уровня, в техническом смысле слова. В Европе, в том же смысле, полезно чтение и изучение "Нее Цюрихер Цайтунг", но выписывать эти газеты трудно и дорого. Поэтому советую Вам ограничиться, на первых порах, критическим изучением одной или двух местных газет, по возможности, разного направления, так как эта разница покажет Вам, как одно и то же событие может быть освещено с разных точек зрения.

На каждое Ваше письмо я охотно отвечу.

С. Л. ВОЙЦЕХОВСКИЙ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

КНЯЗЬ НИКОЛАЙ РОМАНОВИЧ РАЗВЕНЧИВАЕТ МИФ

Я прочел в отделе "Политическая хроника" (№ 1747) корреспонденцию из Рима под заглавием "Очередной миф".

Во время появления посвященных этому мифу серии статей, трех для точности, в римской еженедельной газете "Иль Темпо", я находился в Риме, и нашел невозможным: не сделать заявление по этому поводу в ту же газету. "Иль Темпо" любезнейше сразу послала одного из своих сотрудников ко мне на дом.

Напечатанное почти что точно дает и мои ответы и мои соображения во время встречи, продлившейся более двух часов.

Могу еще прибавить, что после появления моего интервью серия статей прекратилась, по крайней мере по моему времени.

Насчет интересного сообщения "Нашей Страны" из Рима, я только не понимаю, что значит по словам иезуита отца Грэма "легенда распространяемая русскими эмигрантами?"

Насколько мне известно, прочитав всю серию статей появившихся в "Иль Темпо", начало этого последнего "дела" надо искать в очень определенно известных и не русских кругах, которые во всех трех статьях легко определяемы.

Я всегда остаюсь верен моему обычаю присматриваться и подходить к событиям прошлого с чисто исторической точки зрения и по сему не нашел возможным не обратиться вновь к "Нашей Стране".

Прошу принять мой самый искренний привет.

Князь Николай Романович

Venerdì 18 Novembre 1983 - Pag. 17

LA POLEMICA SORTA DOPO LE RIVELAZIONI DI SUOR PASQUALINA

Nicola Romanov: «Non esiste l'eredità segreta dello Zar»

Il principe di Russia spiega come può essere nata la «leggenda» della visita delle due granduchesse a Pio XII - 1 perché del giallo storico

И СМЕХ И ГРЕХ...

Вызвали подсоветского гражданина в участок по поводу его прошения о выезде в США и спрашивают:

— В анкете, на вопрос "причины вашего прошения", вы написали: "две". Поясните какие именно.

— Во-первых, мой сосед каждую ночь в 12 часов стучит в мою стену и кричит: "Подожди, еврейская морда, кончится эта власть и мы тебе покажем!"

— Так вы же знаете, что эта власть никогда не кончится.

— Вот эта именно и есть вторая причина.

Художнику заказали картину на тему "Ленин в Цюрихе". Он работал долго и напряженно, а затем привез картину на просмотр в Политбюро. Когда открыли холст, советские заправилы пришли в ужас. На полотне была изображена Надежда Крупская в постели с Троцким.

— А где же Ленин? — вскричали члены Политбюро.

— Ленин в Цюрихе, — ответил художник.

АНАТОЛИЙ БОР

АГРЕССИВНОСТЬ АВАНГАРДИЗМА

В плеяде "трудных" поэтов самой крупной звездой является фигура "агитатора, горлана, главаря" — Владимира Владимировича Маяковского. Начало его творчества развивалось под футуристическим лозунгом: "Сбросить Пушкина с корабля современности". Позднее Маяковский повзрослел и великодушно примирился с Пушкиным:

После смерти нам стоять почти что рядом:
вы на Пэ, а я на ЭМ...

Новшествами Маяковского были: лестничная разбивка строк, (которую шутники окрестили рубленой капустой), дикий синтаксис, и уродливое словотворчество. Из множества слов изобретенных поэтому ни одно не вошло в литературный русский язык. Серпастый и молотокастый советский паспорт можно еще прочесть на страницах "Правды" или "литературки", но в нормальном русском языке эти прилагательные Маяковского не встречаются.

По принципу собирательных имен существительных, какими, например, являются "бабье" или "жулье" галантный поэт изобрел "дамье": "Дамье от меня ракетой шарахольсь..." Но слово дамы остается по-прежнему нормой грамотного русского языка. Фраза: "Я наших планов люблю громадь" тоже никого не воодушевила и даже партийцы предпочитают слово "громады", как никто из них не пользуется трудным для произношения пролетариатоводец, тоже измышленным Маяковским.

Можно ли уразуметь, что именно значат слова "Февралье" или "Чемберленье"? Очевидно нечто отрицательное и к февральскому перевороту и к Чемберлену... Но как же это неуклюже и дико! Сам поэт с годами остепенился и перестал страдать словотворческим инфантилизмом.

Маяковский не был каким-то исключением: той же болезнью страдали другие поэты.

Андрею Белому принадлежат такие словотворческие выкрутасы:

безбочь, семейстые люди, укукорились. Вне текста, не всегда можно и угадать значение этих слов. Велимир Хлебников рассыпал в своих стихах такие уму непостижимые перлы: Любун, женуп, хотель, немь, немизна, грустилья. От таких словес действительно можно и взгрустнуть: радоваться-то, конечно, нечему!

Однако Хлебников оптимистически мечтал создать всеобщий язык для всей нашей планеты (ее он назвал "звездой", а будущий язык — "звездным"). По его теории каждый звук обладает сокровенным смысловым ядром...

Поэт футурист Крученых, кажется, добрался до этого смыслового ядра и предложил вместо слова "лилия" экзотически звучащее — "еуы". Что значили предложенные им же дыр, бул, шыл — было известно только одному ему.

Попытки некоторых зарубежных русских поэтов продолжить словотворческие эксперименты лишь умножили безвкусицу... И. Елагин так например глаголет о ветре:

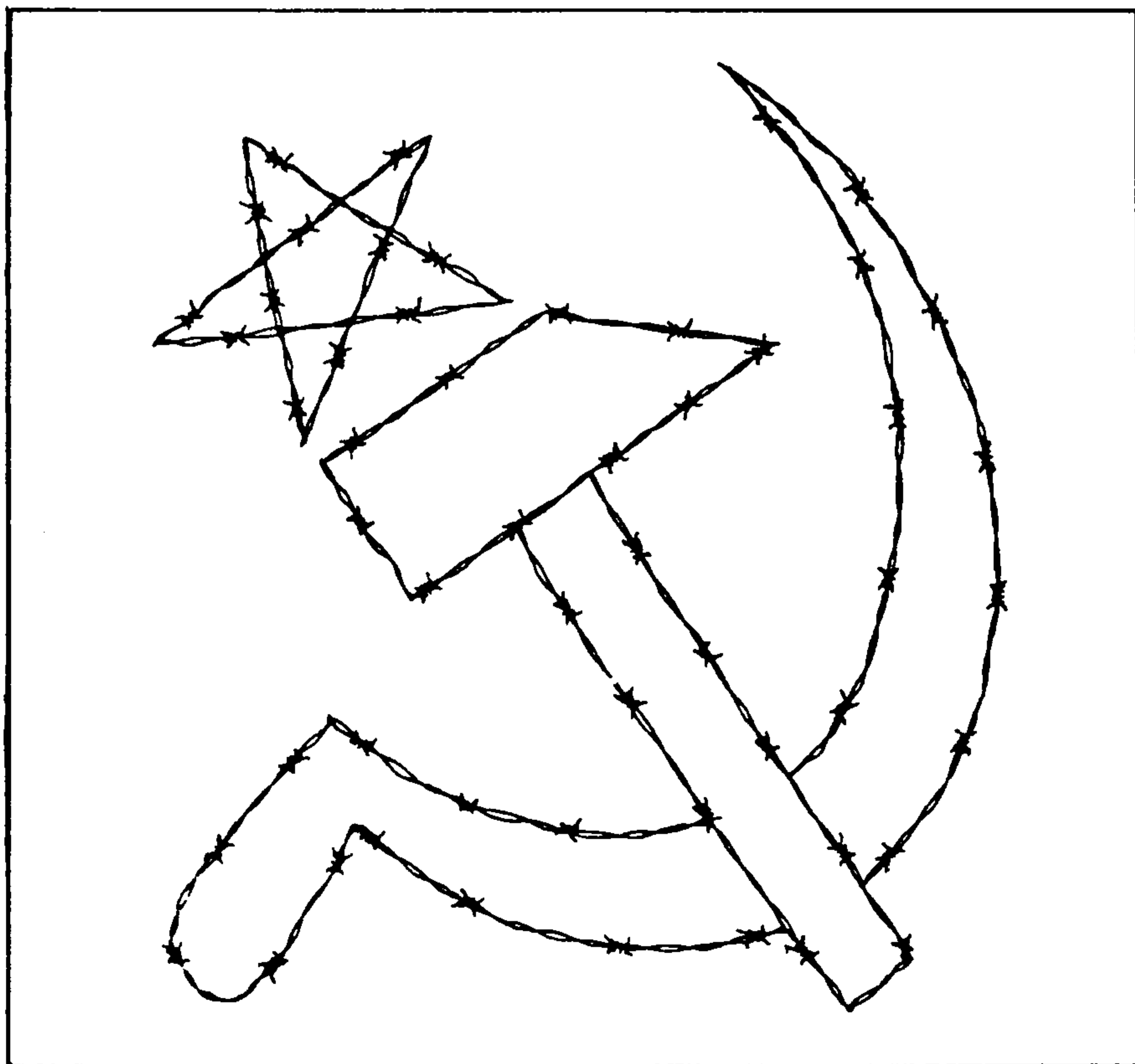
Дул павлинисто, фазанисто,
Дул гогенисто, сезанисто...

И. Чиннов вместо слова марсианин предлагает инопланетянин.

Галич обогатил сокровищницу поэтического языка словечком холуяж (т. е. поведения холуя; так же, как и поведение подхалима — подхалимаж). Однако сомнительно, чтобы все эти гогенисто-сезанистые ходульности вошли бы в лексикон литературного русского языка. Всякое нормальное развитие языка обогащается за счет неологизмов, но эти неологизмы: ничего общего не имеют с вымученным зауьем футуристов. И всем им, раньше чем заниматься словотворчеством, следовало бы помнить добрый совет Антиоха Кантемира:

Уме незозрелый, плод недолгой науки!
Покойся, не понуждай к перу мои руки.

АНАТОЛИЙ БОР

Языковые Уродства

PARTICULE DE NOBLESSE

Латинский предлог *de*, имевший основной смысл "о" ("Commentarii de bello gallico" — "Записки о галльской войне"), получил в романских языках чрезвычайно широкое развитие, служа для выражения родительного падежа, употребляясь в смысле "из", а также сделавшись "дворянской частицей", указывающей на благородное происхождение. Поэтому он входит во множество местных названий, от испанского *Алькала де Энарес* до румынского *Куртя де Арджеш*, и фамильных имен; в силу чего в любом курсе истории, географии или литературы, где речь о западных народах, встречается на каждом шагу, равно как и в отчетах о текущих политических событиях.

Естественно, в русском литературном языке его правильное употребление было четко регламентировано; увы, общий упадок культуры сказывается сейчас как в эмиграции, где все нормы расшатаны, так и в СССР, где большевики шеголяют глупыми новшествами, а установленные веками правила, — когда не знают, когда же и умышленно игнорируют.

Упомянутая частица передается традиционно по-русски через *де*, одинаково для французского, испанского, португальского и румынского языков, без учета оттенков в произношении, трудных для изображения и практически ненужных: *граф де Гиш*, *герцог де Ривас*, *маркиз де Помбаль*. Неверно писать ее как *дэ*; еще хуже через *де* с дефисом (*де-*); дается она с маленькой буквы, кроме случаев если начинает фразу; а оно редко бывает, по следующим причинам.

Как мы указывали, *де* необходимо между титулом и фамилией: *виконт де Бражелон*. Столь же обязательно оно и при соединении христианского имени и фамилии: *Рене де Шатобриан*, *Хосе де Эспронседа*, *Луис де Камонс*. Было бы, однако, смешной аффектацией употреблять в русской речи обороты вроде *романы де Мопассана*, *стихи де Мюссе*; *де* в таких положениях неуклонно опускается; как и в конструкциях типа: *династия Гизов*, *Гизы* (но всегда: *герцог де Гиз*). Иное дело когда мы сталкиваемся с усеченной формой: *д'Артаньян*, *Габриеле д'Анунцио*; в них частица, как правило, сохраняется везде.

Исключением является употребление имени *де Голль*, в котором и по-французски *де* никогда не опускается; о причинах существует по-французски целая литература. В отличие от остальных романских языков, в итальянском вместо *де* и произносятся, и пишется *ди*: *Поццо ди Борго*; да и имеется еще сходная по значению форма *да*: *Леонардо да Винчи*.

Вопрос осложняется наличием слияния предлога *де* с определенным артиклем мужского или женского рода: *барон дю Баллон*, *Анри де Ла Рошжаклен*, *Рамон дель Валье Инклан*, *Васко да Гама*. Итальянский и тут выделяется обилием возможных сочетаний: *Пико делла Мирандола*, *Джулиано делле Ровере* и т. д.; включая комбинации *дель*, *дельи*, *дей* и др. Важно с ними одно: писать их всегда с маленькой буквы и без соединительной черточки. Против чего в нынешней русской печати встречаются постоянно погрешности.

Аркадий Рахманов

ПЕЧАТЬ

ПЕРЕДЕРЖКИ

В "Свободном Слове Руси" за сентябрь-октябрь 1982 г., в конце статьи В. Нилова "Никаких иллюзий", мы встречаем следующую фразу: "Если Вы согласны с мыслью, что освобождение придет изнутри, то каким же образом оно осуществится, если коммунизм не изжит из сознания людей, если он не мертв или хотя бы полумертв?"

Автор, по наивности или, скорее, нечестности смешивает тут 2 разных понятия. Народная масса в коммунизм никогда, в своем большинстве, не верила. Одни были вообще против; другие не понимали, о чем речь (и потому частично содействовали; но быстро разочаровались). Это вполне признают и всегда признавали те антикоммунисты в эмиграции (и в Советском Союзе), против кого он свои обвинения направляет (за редчайшими, разве, исключениями). В дальнейшем, коммунизм потерял в СССР и тот (узкий) слой убежденных сторонников, какой имел, в лице левых интеллигентов, матросов и солдат, обманутых крестьян и рабочих, латышей и венгров: почти все пошли под нож. Растаял и комсомольский актив искренних энтузиастов. Но одно — народ; другое — номенклатура, и вообще партийцы; те верят... в то, что коммунизм им выгоден, а его падение — опасно. Почему и будут его до конца поддерживать. Взрыв гнева угнетенного населения против его эксплуататоров и радикальная революция (вернее, конечно, выразится — контр-революция) есть то, чего мы все желаем; но вряд ли Нилов тут с нами заодно.

Еще более неверна дальнейшая сентенция в той же статье: "Кроме того, можно быть коммунистом в 20 лет, а в 70 с лишком трудно". Наоборот (и слава Богу!) молодежь в СССР в коммунизм как раз не верит, все дальше, — и весьма стремительно, — от него отходит. За него держатся именно старики, связавшие с ним свою жизнь и карьеру. Но власть в их руках, и аппарат принуждения пока безотказно работает. Устремление Нилова под маркою якобы патриотизма заставить антикоммунистов внутри и вне России работать на советский режим есть превратное и преступное. Вот о нем бы и сказать, как сам Нилов говорит о совсем другом: "балласт ошибочных идей нужно выбросить за борт".

В. Р.

НОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ

Издательство и Редакция "Нашей Страны" обращаются к каждому подписчику с просьбой постараться найти хотя бы одного нового подписчика на нашу газету.

Если бы даже только половина сегодняшних читателей нашла по одному новому подписчику, этим не только упрочилась бы материальная база "Нашей Страны", но и была бы создана возможность увеличения размеров газеты и расширения и улучшения ее содержания.

Трибуна Читателя

ЗАТЕЯ ЛАВРОВА

Получив сведения о том, что "Наша Страна" является, хоть и скромной, но самой серьезной и содержательной газетой в эмиграции, я на нее подписался — и, вскоре, убедился в этом. Однако она совершила ошибку; думаю, что по невниманию. В январе 1983 года было помещено в газете обращение к русской эмиграции с предложением создать независимый русскоязычный анклав "Новая Россия". Это меня заинтересовало и я обратился к инициатору идеи некому Лаврову. По русской поговорке — по одежде встречают, по уму провожают; в том же порядке опишу г-на Лаврова. Низкий человек, аккуратно подстриженная седая борода, хромает. Основная идея: создать русскоязычное государство, (выпросив территорию у какой-нибудь западной страны), с правлением подобным новгородскому, вечно независимое от России, но с законами базированными на хартии ООН о правах человека. Я сделал несколько возражений: почему не базировано на христианстве, причем тут Новгород, почему вечно независимо и почему именно от России (а не от СССР). Лавров согласился кое-что изменить, но без спора. Новгород выпал, языческие права человека остались, но с трудом вместились-таки и принципы христианства. Зато от вечной независимости Лавров отказаться не захотел. И, конечно, "Россию" на "СССР" тоже не захотел переменить. Я ему возразил, что, мол, России сейчас нет. Он же твердил дальше, что если СССР когда-нибудь сменится на Россию, то "Новая Россия" останется независимой. Я не хочу высказывать мои взгляды. Они напрашиваются сами.

Было как-то неловко спрашивать, когда он эмигрировал. Но я спросил. По его словам, сбежал в 1980 г. в Каире, где был в составе туристической группы. По убеждениям атеист и марксист, но того мнения, что в СССР марксизм "плохо понят". По одежде встречают, по уму провожают.

К. Колин (США)

РОССИЯ И МИРОВОЙ ЗАГОВОР

В № 1749 "Нашей Страны" появилась статья Н. Александрова "Российский Путь", в которой правильно утверждается, что россиянам не следует надеяться на западную помощь в деле освобождения России.

Но дело обстоит еще и в том, что Запад и весь мир находятся во власти международной силы, целью которой является создание мирового правительства.

В американских журналах "Лук" и "Лайф" от 16-го января 1962 г. Давид Бен-Гурион, первый премьер-министр Израиля, находящийся тогда еще у власти, объявил:

"Очертания света в 1987 г. в моем воображении выглядят так: Холодная

война будет делом прошлого. Внутреннее давление в пользу большей свободы в России со стороны все растущей интеллигенции, и давление масс для улучшения уровня жизни, может привести к постепенной демократизации в Советском Союзе. С другой стороны растущее влияние рабочих и фермеров и возрастающее значение людей науки может сделать Соединенные Штаты "государством благосостояния" с планированной экономией. Западная и Восточная Европа станут федерацией автономных государств, имеющих социалистический и демократический режим. Исключая СССР как федеративное евразийское государство, все остальные материка станут объединенными мировым союзом в распоряжении которого будет мировая полиция. Все армии будут распущены и больше не будет войн. В Иерусалиме Объединенные Нации (действительно объединенные) построят Храм Пророков, обслуживающий федеральное содружество всех материков; это будет местом высшего суда человечества, для решения всех споров среди федеральных континентов, как предсказано Исаией. Высшее образование будет правом всех людей в мире. Пилотия предотвращающая зародыш ограничит безудержные приросты населения в Индии и Китае. И к 1987 году средний возраст людей достигнет 100 лет".

Ошибка лишь в числах, не в замысле.

Как известно, русская революция и в частности коммунизм, финансировались еврейскими банками, причем во время Первой Мировой войны с обеих сторон фронта. Окончательная цель всегда была создание мирового социалистического государства. Но заговорщики всегда боялись возрожденной России, без уничтожения которой все планы были тщетными. И конечно Израиль был основан и поддерживаем теми же инстанциями. В свете этих обстоятельств расчленение и "обезвреживание" могущественной страны было необходимо. Только возрожденная Россия, православная и монархическая, может спасти мир от порабощения.

Г. М. Кньюпфер (Англия)

О ПРИЧИНЕ ПОГРОМОВ

В книге "Юность от Вязьмы до Федосии", которую написал Н. В. Волков-Муромцев и которая издана в 1983 г. как первый том "Всероссийской Мемуарной Библиотеки", основанной А. И. Солженицыным, есть много поучительного. Обратите внимание на стр. 75. Волков-Муромцев пишет: "Мой отец много занимался кооперативными союзами. Большие земельные кооперативы в южных губерниях были основаны моим дедом Гейденом и Бехтеевым в 90-х годах. Причиной их основания было очень неудовлетворительное положение украинских крестьян. Все зерно для вывоза скупалось купцами (большинство из которых были евреями). Они диктовали цены и ино-

гда отказывались покупать урожай, чтобы цены падали. Бывало, что дело кончалось погромом. Мой дед был убежден, что если бы были крестьянские кооперативы для скупки зерна, погромы бы прекратились..." Фраза в цитате подчеркнута мною. Над приведенным фактом следовало бы задуматься всем тем, кто кричит о погромах в царской России...

Н. Ватников (Германия)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

БОЯТСЯ ВРАНГЕЛЯ

Нам пишут из Мюнхена:

В газетах "Известия" и "Советская Россия" от 16 декабря прошлого года одновременно появились две статьи с нападка на книгу Н. Росса "Врангель в Крыму", вышедшую в издательстве "Посев". Поводом для атак послужила радиопередача об этой книге по "Голосу Америки", но, несомненно, более глубокая причина коренится в обеспокоенности советской власти растущим в стране интересом к исторической правде о дореволюционной России и Белом Движении, поисками в российском прошлом тех образцов государственного устройства, которые могут пригодиться после падения коммунистической власти.

БЕЛОГВАРДЕЦ

Нам пишут из Парижа:

Проживающий здесь полковник П. В. Колтышев обратился к московскому автору воспроизведенного в зарубежной печати "Открытого письма участникам белогвардейского движения" со следующим призывом:

"Прочтя Ваше открытое письмо участникам Белого Движения, я призываю Вас хранить в душе Бога, в сердце — родину, а в повседневной жизни непрерывно вести борьбу с поработителями России, неизменно продолжая ее вплоть до восстановления правды и справедливости на русской земле".

Полковник Колтышев участвовал в дроздовском походе от Ясс до Новочеркасска в 1918 году, был начальником штаба 3-й Дроздовской дивизии во Втором Кубанском походе. Затем он — старший помощник начальника оперативного отдела в Штабе Вооруженных Сил Юга России и докладчик по оперативным вопросам при генерале Деникине в 1919 году. Будучи в рядах Первого Офицерского полка Дроздовской дивизии дважды тяжело ранен в боях за Орехов в Северной Таврии в 1920 году.

О. АЛЕКСАНД ШМЕМАН

Нам пишут из Нью Йорка:

В Нью Йорке умер протопресвитер Александр Шмеман, декан Св.-Владимирской православной семинарии, автор богословских книг, видный деятель бывшей "американ-

ской митрополии".

Сын офицера лейб-гвардии Семёновского полка, он родился в 1921 году в Таллине (Эстония). Окончил Версальский кадетский корпус и парижский Св. Сергиевский православный институт. С конца 1940 годов он в Америке, где при его ближайшем участии "православная американская митрополия" получает из Москвы "томос" и становится Автокефальной православной Церковью в Америке.

Это приятие автокефалии из рук подчиненных чекистам руководителей московской патриархии вызвало осуждение не только в широких кругах российской эмиграции, но и у таких выдающихся людей как А. И. Солженицын, писавшего в "Письме из Америки", что патриарх, избранный в 1943 году, то-есть патриарх Сергей, не был каноничным, что избран он был "... на псевдо-всероссийском соборе под дирижерством того самого сталинского пальца, который указал, каких епископов расстреливать. Так созданная московская патриархия никак не более канонична, и вся эта затея — именно из ее рук получить автокефалию Американской Церкви с течением времени все более будет выявляться как ошибка. Но еще большей ошибкой представляются формы, процесс получения этой автокефалии и последствия ее. Автокефалия была получена — и не получена: ни возвышения каноничности, ни покрытия всей американской территории, ни даже полной независимости в действиях: если какой-либо приход в Америке сам желает вырваться и перейти в Американскую Православную Церковь, то эта автокефальная поместная Церковь запрашивает московскую патриархию о согласии! И вовсе уже не каноническим промахом, но духовным пороком видятся сппросы о "совете", "дружеские связи", "духовный обмен" — не с подлинной русской Церковью метрополии, не с глубинами ее, но — присланными агентами в рясах, ибо, как можно бы понять давно, каждый посылаемый в такую поездку должен пройти одобрение КГБ. Если бы это общение носило характер обличения — так ведь нет..."

ДВОЙНИК

Нам пишут из Нью Йорка:

Как сообщила газета "Нью Йорк Трибюн", некий итальянский издатель организовал выпуск на русском языке антивоенного номера газеты, имитирующего издаваемую в Москве советским министерством обороны газету "Красная Звезда". В газете используются заголовки и шрифты настоящей "Красной Звезды" и помещен рисунок советского солдата, ломающего о колено свой автомат под заголовком "Кончай войну! Все по домам!"

По словам итальянского издателя, ему удалось распространить часть тиража двойника "Красной Звезды" в Афганистане, Советском Союзе, Восточной Германии, Чехословакии и Польше.

Аналогичная попытка выпуска поддельной советской газеты была предпринята в Италии в канун Олимпийских Игр 1980 года в Москве: тогда на свет появился двойник "Правды".

"НАША СТРАНА". Русская монархическая еженедельная газета. Основана 18 сентября 1948 И. Л. Солоневичем. Издатель: Михаил Киреев. Редактирует: Ред. Коллегия. Адрес: Miguel Kireeff, Monroe 4329, 1430 - Buenos Aires. Номер телефона редакции: 51-2685. Статьи подписанные фамилией или инициалами не обязательно всегда выражают мнение редакции. Рукописи не возвращаются.

Цены за экземпляр газеты: Австралия - 0,80 ав. дол.; Германия - 1,80 н. м.; Франция - 5 фр.; Италия - 1100 лир; США - 0,80 ам. дол.; Аргентина - 7 песо. В остальных странах - 0,80 ам. дол. Цена объявлений: за 1 см. в 1 колонку - стоимость 3 экземпляров газеты в соответствующей валюте. Чеки и "моней ордер" выписывать на имя Miguel Kireeff с местом уплаты в США или Европе.

"NASHA STRANA" — "NUESTRO PAIS". Semanario monarquico ruso. Fundado el 18 de septiembre de 1948. Registro Nacional de Propiedad Intelectual No.: 949.917 Editor: Miguel Kireeff, Monroe 4329, 1430 - Buenos Aires.

Correo ARGENTINO	Franqueo pagado. Conces.No. 4233
Sucursal 30 (B)	Interes general. Conces.No. 3980